

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 27 (4152)

Четверг, 3 марта 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев в Калькутте [Индия]. На снимке: Н. С. Хрущев выступает на встрече с членами Индийско-советского общества по развитию культурных связей. (слева направо): Премьер-министр Индии Дж. Неру, губернатор штата Западной Бенгалия г-жа Найдю, главный министр штата Западной Бенгалия Рой. Фото А. Стужина. (Снимок принят по фототелеграфу)

ПИСЬМА ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

«Областной» писатель? Такого не существует...

ТРИ КОРРЕСПОНДЕНТА «Литературной газеты» побудили одинаковые задания: поехать в города Украины и написать о том, как растут и крепнут областные писательские организации.

Поехали с горячим желанием поддержать все, достойное поддержки. И все, что необходимо для трех оптимистических «писем из писательских организаций», мы нашли и в Сталино, и в Днепротровске, и во Львове. Возросло число встреч с читателями... Многозначные цифры участников литературных объединений... Положительные впечатления от бесед с писателями — людьми, преданными литературе, скромными, настоящим тружениками е... Оставалось лишь и написать наши оптимистические письма.

Сталино. Писательская организация, объединяющая донецких литераторов. К концу войны, когда люди вернулись сюда с фронта, из эвакуации, здесь сообразили пять человек — члены Союза писателей. Теперь их 34. Если прибавить к ним авторов уже издающихся, но еще не вступивших в союз, мы получим цифру, близкую к полустотне. Большие потенциальные резервы таятся в любительских Сталинской и Луганской областях.

Или, скажем, львовская писательская организация, выросшая за последние несколько лет в полтора раза и насчитывающая сегодня свыше сорока человек. Даже не ставя еще вопроса о том, скоро ли выйдут эти писательские коллективы «своего Шолохова», можно понять, какая большая культурная армия работает в наших областях.

Эта армия делает свое большое дело на фронте семлетики. Днепротровское. Здесь хорошо знают очерки Сергея Загороднего. Во многом благодаря его инициативе, среди заслужившей шумит сейчас настоя-

щее море — водохранилище площадью в несколько квадратных километров. Это ли не живое участие писателя в делах народа?

О том, насколько общественная деятельность помогает писателям в творчестве, можно судить и по развлекательному очерку в Донбассе. Широко известна работа знатока Донбасса А. Ионова. Педанию в Киеве вышла книга писательницы из Сталино Л. Черкашовой «Донецкая была», книга, написанная с большим знанием жизни. Успешно выступают в жанре очерка Е. Лялюк, П. Байдабура и другие.

Областной писатель — это человек, который способен представить свой край всей стране, это знаток своей области жизни, людей, с которыми он тесно и давно связан. Появился он не случайно и не во время. Навсегда. Теперь в каждой области происходит такое, о чем надо писать книги. Этих книг ждут. И приходят писатели.

Не будем забывать и о другом немаловажном обстоятельстве — о возможности печататься. Что ни говори, но общественную потребность в книге без печатного станка не утопишь, как бы генерально мы складывались произведением в головах писателей.

Так вот, никогда еще областные писатели не имели такой возможности издаваться, как теперь. Поскольку речь идет об Украине, назовем хотя бы молодое, недавно родившееся издательство в Херсоне и Луганске Львовское областное издательство по количеству выпускаемых книг может соперничать с иными республиканскими. 49 названий — выпуск художественной литературы за 1959 год — это все новые книги донецких писателей.

Мы, корреспонденты «Литературной газеты», с большой радостью суммировали эти факты. Может быть, это было бы ограни-

НА БЕРЕГУ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

На этой конференции читатели «Литературной газеты» в Тикси неспроста кто-то вспомнил о горбатовской «Обыкновенной Арктике». Обсуждение как обсуждение: горячие споры вокруг тех или иных статей, деловая критика, читательские пожелания. Может быть, лишь одно отличает эту конференцию от других. Люди собрались поговорить о газете в клубе, что стоит на берегу Ледовитого океана. Моряки, летчики, ученые, рабочие порта Тикси живут полнокровной, богатой событиями жизнью. Среди них немало истинных любителей книг, людей, глубоко заинтересованных в успешном развитии советской литературы. О многом говорит даже перечень тех, кто выступил на конференции после сообщений Н. Болотникова, руководителя выездной редакции, и Николая Якутского, возглавляющего республиканскую писательскую организацию. Это гидрограф Сергей Зубов, один из основателей порта Тикси, журналист Иван Титов, инженер Иван Жилин, учительница Раиса Павлюкова, радист судна полярник Николай Оскин, якутский юноша-студент Василий Протодакинов.

Что их волнует? Наши литераторы в большом долгу перед Арктикой. Полярников все еще волнует и то, что «Литературная газета забывает о литераторах малых народов, еще недостаточно занимается проблемами морального воспитания, вопросам книжной торговли, которая, кстати, в Якутии поставлена из рук вон плохо. Молодые поэты, выступившие на конференции, сетуют, что «Литературная газета» редко открывает новые писательские имена. Это был большой, содержательный разговор, который поможет редакции в улучшении работы газеты, в том, чтобы сделать ее интереснее, глубже, целесообразнее.

БУХТА ТИКСИ. (По телеграфу)

Сборник «Калужанин»

Областное книжное издательство в Калуге выпустило сборник «Калужанин», в котором опубликованы очерки, рассказы, стихи местных писателей и журналистов о героях семлетики. В книге помещены также отрывки из произведений Л. Леонова, Г. Медвinskого и других писателей-земляков. Специальный раздел сборника посвящен К. Э. Циолковскому.

ОСТАНОВИСЬ, ТОВАРИЩ!

ГЕРОИ Советского Союза а подполковник Дергачев смущен. Вопрос мой оказался неожиданным.

— Понимаете, я недавно служу в этом гарнизоне. Не в курсе еще, как говорится. Краем уха что-то слышал, но точно ничего не знаю.

— Как же так, товарищ полковник? Не могла же бесследно исчезнуть могила. Над могилой был памятник, на вершине мраморной колонны стояла отлитая из бронзы «Пешка» — петлявский бомбардировщик «Пе-2», портреты экипажа были. Заметьте, памятник изготовили местные мастера, и установлен он был в сорок втором! Как же так?

— Да, все это в высшей степени непонятно. Полковник вызывает старожилков гарнизона. Офицером немолодым, все мучительно вспоминают, но точно ничего сказать не могут.

Памятник был — это факт. Памятник исчез — это, как ни присорбко, тоже факт. Урны с прахом летчиков забрала, кажется, мать одного из членов экипажа. Вот и все, что рассказали мне в кабинете полковника Дергачева смущенные офицеры.

Что же могло случиться? Я отлично помню светлую мраморную колонну, помню бронзовую «Пешку»; помню, как, покидая территорию гарнизона (памятник стоял недалеко от главных ворот), мы всегда отдавали честь могиле товарищей. А теперь на месте братской могилы только снег. Ровный белый снег, схаваченный жесткой корочкой хрупкого наста.

Останавливаю одного, другого, пятого военного — солдата и капитана, сержанта и подполковника. Нет, никто ничего не помнит. Долго лазаю по снегу и, наконец, наткнувшись на разрушенное кирпичное основание надгробья. Груда обмерзших камней — вот и весь след о людях, погибших в военном небе.

Горько, невыносимо горько на сердце. Обращаюсь к генералу Н. А. Сбытову. — При мне памятник был. Исчез, говорите? Это странно, весьма странно.

Обращаюсь к генералу А. П. Жукову. В прошлом один из известнейших летчиков-истребителей. Анатолий Павлович сразу же разволновался: — Что вы говорите? Нет памятника... Когда мы во время войны формировали истребительные части на этом аэродроме, я постоянно проводил митинги у могилы. Мертвые должны служить вместе с живыми. Летчики, улетая на фронт, клялись над могилой своих товарищей отомстить, быть достойными их памяти. Все, что вы рассказали, просто не укладывается в голове.

Нет нужды в подробностях передавать здесь, как разыскал я Антонию Васильевну Петрову — мать одного из членов экипажа, ту самую женщину, которую упоминают кто-то из офицеров в кабинете полковника Дергачева. Это совсем не просто — сказать матери, зачем я пришел к ней. Осторожно выбираю слова, медленно приближаюсь к главному: куда делся памятник, где могила?

— Понимаю вас, — говорит женщина. — Понимаю. Вот вы и нашли первоисточник исчезновения памятника. Это — я...

Время не растворяет горя матери. И не сглаживает. Она очень сдержанна, она величественно держится — ни слезинки, ни вздоха. Какой ценой досталась ей эта выдержка? Разве об этом возможно рассказать?

Антонина Васильевна кладет передо мной пачку листов, напечатанных на бездальных пишущих машинках. В левых верхних углах — бледные казенные штампы. И вот что я узнаю. Со дня гибели героического бомбардировочного экипажа прошло уже немало лет. Памятник, воздвигнутый в трудном 1942 году, начал постепенно разрушаться. Женщина написала письмо начальнику гарнизона — нужен ремонт. Через некоторое время пришел ответ. Гарнизонный начальник обратился в округ — на капитальный ремонт требовались средства.

Время шло. Переписки затонули. Могилы, по сути, не могли оставаться без внимания — дожди, ветры, снегопады делали свое дело. Памятник разрушался.

Антонина Васильевна Петрова исправно получала ответы на свои обращения: ходатайствуем, рассматриваем, запрашиваем... Памятник тем временем пришел в полную ветхость, и тогда мать не выдержала. Она не могла больше видеть, как разрушаются мраморная плита и ограда, как выстываются цветы у могилы, она замолчала: разрешите мне перенести могилу на одно из московских кладбищ. Такое разрешение было получено незамедлительно.

Так исчез памятник из гарнизона. Так постепенно стала утрачиваться память о героическом экипаже. Великий Горький сказал: «Наши — немцы, если человек не заставит их говорить...» Вряд ли возможно установить теперь, кто повисел в том, что замолчали могильные камни в Н-ском гарнизоне. Пусть виновных накажет их совесть! Я же рассказываю эту печальную историю по-человечески.

А вот при чем тут Новороссииск? В этом городе, погибавшем под вражеским огнем и воскресшем в мирные годы, живут обыкновенные счастливые люди — они умеют самоотверженно работать, умеют заразительно смеяться, они отлично отлаживают в дни праздников. Но никто не забыл здесь тех, кому обязан своим счастьем.

Днем и ночью, в самую жестокую бурю не гаснет вечный огонь над могилами Героя Советского Союза Цезаря Куникова и Героя Советского Союза Николая Силыгина. На местах братских захоронений в небо поднимаются памятники. О них заботится весь город, и с первых дней весны до последних дней осени могильный камень сохраняет живые цветы. Мраморные доски укреплены на всех памятных рубках боев, всюду, где дрались и геройски умирали солдаты нашей великой армии, отстаивая свободу и независимость своего народа.

В день Военно-Морского Флота Новороссииск каждый год расцветаются флаги. К могилам моряков-героев приезжают родственники — их приветствуют городские власти. Живые приходят к мертвым, чтобы отдать им дань уважения, дань почта и преданности. Юноши в новых формах форменных встают в этот день в почетный караул у дорогих могил.

Седые портвники, отставные офицеры, бывшие партизаны, надев боевые ордена, идут на площадь Героев. Это стало традицией. Так живет среди живых вечная память героев...

Восстанавливая город, новороссиискцы отделили сторону железнодорожные пути, чтобы не потревожить остов обыкновенного пультмановского вагона, оказавшегося в левом ряду боев на последнем рубеже сопротивления на ничейной земле.

Вместе с кусочком рельсового пути они подняли изрешеченный пулями и осколками остов на постамент (десять тысяч пробыл в железе) и свято чтят эту молчаливую реликвию Великой Отечественной войны, открывающую везд в город.

Старый портвник, коренной новороссииск Иван Александрович Фадеев сказал мне однажды, когда мы бродили по городу: — Вот где наша поллитраграмма начиналась. И показал на разрушенной широкой ладонью на просветляющей в словен кружевной, остов железнодорожного вагона. — Кто это поймет, тот все поймет!

С тех пор прошло уже немало времени. Немало дорог открылось с той поры передо мной. На этих дорогах я видел вдохновенный монумент Зое у развалин подмосковного шоссе, видел в местах бывших боев на Орловско-Курской дуге воздвигший на вечный постамент славы танк «Т-34», видел в маленьком гарнизоне могилу Неизвестного героя, около которой каждый день происходит развод караулов, а в праздники на мальшей впервые надевают пионерские галстуки.

Но черед и другое. Поверившие под дождями, полусгнившие могильные пирамидки на расползающейся фанеры с исчезнувшими именами солдат, запущенные братские могилы и, как ни горько об этом говорить, вовсе пропавшие памятники.

И всегда у забытой солдатской могилы мне хотелось крикнуть всем, крикнуть во весь голос: — Остановись, товарищ!

Вспомним: мы клялись в речах над раскрытыми братскими могилами, клялись в войсковых приказах: «Вечная слава героям, погибшим в боях за свободу и независимость нашей Родины; мы клялись золотом на могильном мраморе: вечная память...» Так забудет же верны нашим клятвам!

Но слова без адреса — пустые слова. Слава погибших должна перейти к наследникам. Пусть же наследники — наши комсомольцы — примут шефство над всеми солдатскими могилами. Пусть на советской земле не останется ни одной забытой могилы.

Пусть вечно светит слава погибших героев!

В Ташкенте сдан в набор последний, четвертый том хрестоматии узбекской литературы, охватывающей тысячелетний период. Завершение этого издания, подготовленного к печати Институтом языка и литературы Академии наук Узбекистана, — большое событие в культурной жизни республики. Более двух третей вошедших в хрестоматию произведений публикуется впервые.

В своем выступлении заместитель заведующего отделом ЦК Литвы В. Радайтис привел интересные цифры: в прошлом году в библиотеках республики побывало около миллиона читателей, они прочли 15 миллионов книг. Литовская литература ныне, как никогда, обращена к массовому читателю. Как же велика теперь ответственность писателя!

Секретарь правления Союза писателей СССР А. Лупан отметил общее значение пленума. Вопросы, поднятые литовскими писателями, волнуют литераторов всех республик.

С большой речью на пленуме выступил председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. Палецкис, поделившийся интересными впечатлениями, полученными от поездки по республике, от многочисленных встреч с трудящимися.

Пленум принял обращение ко всем писателям Советской Литвы. Его завершают строки: «Помогать родной Коммунистической партии в воспитании нового человека, в воспитании его прежде всего на примере дед и замков современности — это мы считаем нашей основной задачей и нашим долгом».

ВИЛЬЮС. (Наш корр.)

Попа в Третьяковскую галерею, человек обычно остается в музее до конца дня. Иные проводят долгие часы в одном зале, делая изумную мастерство любимого живописца. Это, как правило, москвичи. Люди приезжие не могут позволить себе такой роскоши. Они хотят увидеть сразу и Кипренского, и Крамского, и Репина, и Сурикова, и Левитана, и Серова... Пройдя вместе с фотографом А. Степановым по галерее, Приглядываясь к лицам посетителей. Как красноречиво говорят они о силе искусства, о силе прекрасного.

А теперь продолжим линию, которую мы провели от столицы к областному центру. Ведь, кроме писателя, живущих в областных центрах, есть еще писатели более широкой области. На Днепротровщине «сферической» считается — ни мало ни много — Крыной Рог, Днепродзержинск, Николаев, Марганец. В этих крупных городах тоже живут члены Союза писателей или действуют сильные литературные объединения. Уделяют ли им писатели Днепротровска ту же долю товарищеского тепла и внимания, которых они справедливо требуют для себя со стороны писателей Киева и Москвы? По нашему мнению, нет.

Увы! На Украине есть целые области, не тронутые пока вниманием литературной столицы.

О писателях, живущих и работающих в областях, можно сказать бесконечно: настолько разнообразна наша литературное хозяйство на местах. Думаем, что положение имеет много общего с положением в других республиках. Во всяком случае, во всех областях относятся слова, сказанные старшим шахтерским писателем Ильей Александровичем Гонимовым:

— Вот мы делим литераторов на областных и центральных, столичных... А не прикрываем ли мы наших слабостей этим самым делением? Ведь никому не приходит в голову делить наших читателей на «областных» и «центральных»? Читатель — наш дано вырос — на местах! — до уровня так называемого «среднего писателя», а «средний писатель» иной раз сидит на месте и «областным уровнем» прикрывается. Читатель не станет делать скидок на областную особенность, ему все равно, где издано, а важно, что и как написано.

Хорошо сказано — и вовремя. Настала пора отменить «областные критерии». И если понятие «областного писателя» иногда означает некоторый льготный уровень мастерства, если так, то тогда пусть «областного» писателя не существует.

Л. АННИНСКИЙ,
К. ГРЯГОРЬЕВ,
Ю. ОКЛЯНСКИЙ,
наши специальные корреспонденты

СТАДИО — ДНЕПРОПЕТРОВСК — ЛЬВОВ

ЗРЕЛОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ОСНОВНОЕ впечатление от пленума правления Союза писателей Литвы вернее всего, пожалуй, передается словами: молодость, горение, радостный творческий подъем. Это настроение порождено зрелостью литературы, сознанием своих сил, единующим большое коллектива писателей — от старейших до начинающих, правдивым, твердым пониманием традиций, уверенностью в будущем. Доклад председателя правления Э. Жекелайтиса провозглашает курс на большую литературу современности.

Рассмотрев недавние произведения литовских писателей, докладчик убедительно подытоживает: сделано много. Действительно, за последнее время значительно выросла литовская проза (достаточно назвать «Повстанцы» В. Миколайтиса-Путиниса, «Визюс Каралюс» Е. Силомайтите, «Проданные души» Ю. Бямуниса, «Юность» Ю. Паулитиса, «Розы цветут» Я. Палецкиса, «Дневник» А. Балтуниса, «Дни рождения» В. Венцловы, новые рассказы М. Слукциса, обогатилась поэзия (поэмы Ю. Марцинкявичюса «Кровь и пепел», новые стихи А. Балтуниса, Я. Деугитиса, А. Малдониса, В. Мозурониса, В. Рудокса и других). В литовской литературе запечатлен величайший истори-

ческий переход — вступление Литвы в семью советских народов, показан рост нового человека в годы суровых битв Отечественной войны и послевоенных столкновений с классовым врагом, изображены герои коллективного и переустройства народной жизни в советский мир. Но, делая вывод докладчик, наш язык, наш язык, за мечтательных свершений и перелом, все еще вошел в полную, подобающую мере в книги, поэмы, стихи.

«Литература — жизнь — современность» — так была сформулирована повестка для пленума. С широкой постановкой проблем, с ориентацией на всеобщего читателя, на общие интересы всей советской литературы прошлой страны.

Развитию современного романа посвятив свое выступление А. Венцлова. Некоторые критики уверены, что роман должен быть невелик, с малым числом персонажей. Но ведь в книгах советских писателей действует новый герой — народ. Отречение его жизни и борьбы требует широкого изображения, требует эпического звучания произведений. А. Венцлова, В. Жилонис отмечали: наша литература не должна идти по пути поверхностного заимствования, подражания некоторым особенностям манеры западноевропейских пи-

сателей. О новых путях литовской прозы, ее задачах, новых проблемах и темах говорил также А. Балтунис, В. Бунис, М. Слукцис.

Молодой поэзии, воспитанию поэтов, неразрывной связи личности поэта и его творчества было посвящено интересное выступление Ю. Марцинкявичюса. Только богатый духовно, беспрестанно растущий и работающий, развивающийся талант может выразить нашу современность в поэзии. Личность растет в труде — в труде, исканиях, преодоления трудностей растет и поэтический талант. Ю. Марцинкявичюс поддержал А. Балтунис, А. Мишкинис и многие другие.

Большая литература создается при участии большой принципиальной критики, — сказал А. Корсакас. Какую связь писателя, критика с жизнью? Никакие творческие командировки, неадекватные поездки, выставки «в жизнь» не могут восполнить каждодневной, настоящей, прочной связи с действительностью.

Серьезные проблемы критики — не «информация», «журналистика», а живая, «газетная», «жизненная» — поставил Я. Анникитис. Вопросы драматургии и кинодраматургии посетовал своим выступлением К. Сая, Ю. Хливцис и другие.

Процесс количественного накопления сил, начавшийся после войны в областных писательских организациях Украины, должен был повести к вопросу о качестве. Теперь этот момент наступил. Теперь критерии должны быть подняты — и прежде всего в сознании самих писателей. Ведь был же такой случай, когда Сталинское издательство попросило П. Чебанюка доработать для отдельного издания роман «Черноокая, чернобровая», некоторые писатели встали кна защиту автора, доказывая, что роман и без доработки хорош. Однако сам П. Чебанюк принял сторону издательства и сел за письменный стол! На пользу своему интересному роману? Думаем, что да.

Безусловно, дело пойдет много успешнее, когда улучшится литературная критика на местах. Писатели жаждут, что их книги, которые в Киеве или Москве процензируют не успевают, остаются, по существу, без квалифицированного анализа. Вывод? Надо расширить критиков там, где их нет. И, конечно, повысить требовательность к качеству критики, потому что рецензии в местных газетах пишутся иногда...

Яков Нещадим взывает к общественности

Эту историю нельзя рассказывать без гнева. Пожалуй, все на Сталинградградостроестроение Якова Ивановича Нещадима. За активное участие в рационализаторской работе он награжден почетной грамотой. К сожалению, с 1955 года и по сей день новатор ходит с ярлыком «авантюриста», а его метод электросварки сварки зачисляется.

Чем ближе Я. Нещадим тане гоним на себя? Может быть, метод изобретения которого он с такой настойчивостью ведет борьбу, не заслуживает внимания? Нет, метод действительно стоящий!

Вот что говорил об этом методе крупнейший специалист по электросварке, лауреат Ленинской премии, академик Б. Е. Патон: «Электросварщик Сталинградского ГЭС Я. И. Нещадим, являющийся одним из создателей электросварочного метода, успешно участвует в работе нашего института. Коллектив научных сотрудников, помогая тов. Нещадиму, ставит задачу широко внедрить его ценное предложение на всех крупных стройках страны».

Способ сварки, предложенный Я. Нещадимом, — более прогрессивный и экономичный, чем металл сварки. Экономит электроэнергию, металл, электроэнергия, улучшает качество сварки, резко повышается производительность труда сварщиков. Совершенно отпадает необходимость применения защитной маски.

Так почему против внедрения этого способа упорно возражают на Сталинградградостроестроении? Сталинградский институт инженеров городского хозяйства уже успешно использовал метод Я. Нещадима при сварке рельсовых стыков городского трамвайного пути. Но на Сталинградградостроестроении так и не сделали. Даже при выполнении монтажных работ по сварочному делу, состоявшейся в прошлом году в Сталинграде и единолично одобренный метод Я. Нещадима, на Сталинградградостроестроении до сих пор не ударили.

На общем собрании коммунистов Сталинградградостроения лауреат Сталинской премии профессор С. Медведев настоятельно требовал широкого внедрения электросварочного метода. Он говорил, что руководители арматурно-сварочного завода не только не поддерживают Я. Нещадима, но даже мешают ему, дискредитируют его метод. «Надо полагать, что они поют свою охотку», — сказал С. Медведев. — И изменить отношение к новатору и к делу внедрения его метода в производство? Это предположение, высказанное еще в сентябре 1955 года, не оправдалось.

Руководителям завода Я. Нещадим пришлось не ко двору: простой рабочий, а лезет с поучениями, пытается перевернуть вверх дном привычную технологию, пристаёт к требованиям создать ему условия для изобретательской работы. Хлопоты с ним!

У нас тут не институт, а производство, — неоднократно отвечали ему Я. Нещадим обращался за помощью во всевозможные инстанции Сталинграда и Москвы, называя конкретных виновников. Это только подло наслас в огонь. Ведь жалобы-то возвращались на стройку!

Приехал в город Волжский на арматурно-сварочный завод, и попробовал поговорить о методе Я. Нещадима с главным инженером завода Л. И. Кониным.

— Стажатель! — коротко ответил главный инженер.

Однако узнав, что я намерен писать статью в защиту новатора, Кониин отказался давать дальнейшие пояснения.

ВСТРЕЧА С КИНОДРАМАТУРГАМИ

Общим организационным и творческим путем развития кинодраматургии была посвящена встреча со сценаристами, состоявшаяся 1 марта в редакции «Литературной газеты». Писатели Г. Колтунов, М. Макарянский, В. Метальников, И. Ольшанский, А. Сивуха, Г. Ситина высказали ряд интересных предложений, касавшихся освещения вопросов кино на страницах газеты.

Имя Хамракула Турсукулова трижды Героя Социалистического Труда, известно всей стране. И вот теперь мы знакомимся с ним как с автором записок, озаглавленных «Дорогу осилит идущий».

Это книга о том, кем был и кем стал Хамракул Турсукулов, или, беря шире, — о том, чем был и кем стал колхоз «Шарк Юлдузи», бесстрашный руководительный им вот уже четверть века.

Двадцатилетним неграмотным парнем встретил Хамракул Октябрьскую революцию. К тому времени уже в душе накопился «слепой гора» ненависти к угнетателям, но знал он так мало, что впервые услышанное слово «университет» поставило его в тупик. К счастью, на пути Турсукулова встретился замечательный русский человек, подпольщик-большевик Иван Павлов. На многое открыл он глаза Хамракулу, от него Хамракул услышал имя Ленина. Несколько лет Турсукулов не выпускал из рук винтовку — сражался за Советскую власть. Он славился бесстрашием и отвагой; главари басмачей обещали за его голову столько золота, сколько весил он сам...

А спустя десяток лет — колхоз в долине Шуралисай, возле Ташкента. Не колхоз, а горе. «Трудные наши», — жаловались новому председателю колхозники, — только пахотки; вместо машин — шестнадцать заржавевших лошадей, да что машины — не хватало даже котенка.

Нелегко дався переход в хозяйство. Хамракул Турсукулов щедро делился своим поучительным опытом. Глав-

ное, говорит он, — вдумчивый подход к людям, от которых зависит успех дела. А люди попадались разные. И «червячья косточка», и крепкие орешки, вроде бригадира Мустулова, и такие, как мудрый старец Хамид-ата, подкасавший Турсукулову многое из того, что впоследствии было осуществлено в колхозе «Шарк Юлдузи».

Книга Хамракула Турсукулова наводит на размышление: побольше, побольше бы издавать книг, написанных передовиками колхозного производства о своей жизни и работе. Их книги принесли огромную пользу делу коммунистического строительства. Правда, руководителям колхозов, вероятно, трудно будет выкроить время для кропотливой работы над своими записками, да и дело это для них не совсем привычное. Долг опытных литераторов и журналистов — прийти им на помощь.

Литературная записка книги Турсукулова принадлежит Наталии Пентюховой. Удачно передан ею своеобразный колорит узбекской речи, к месту и в меру использованы народные поговорки. Имя только, что конец книги напоминает суховатый стенографический отчет.

«Турсукулов» — в переводе на русский язык означает «долгая жизнь». Но не только прожитым годами измеряется путь этого замечательного человека. И хочется сказать ему по обычаю узбекских колхозников: — Никогда не уставай вам, Хамракул-ака!

Г. СУХАРЕВА

ДОБРЫЙ ТАЛАНТ

Два года назад Детизм была издана книжка «Подслушанный разговор». Она была издана, украсила ее гравюры, полные тончайшей лирической красотой. Мало кто знает, что в каждом из них присутствовало то, что сразу позволило вы-

НЕ УСТАВАТЬ ВАМ, ХАМРАКУЛ-АКА!

двинуть автора их в число поэтов — не забавников, не рифмачей, донельзя довольных своей малолетней аудиторией, но редких людей, обладающих счастливым даром быть детским поэтом в самой своей сути. Автором этой книжки был Юрий Коринец, тогда еще студент Литературного института.

Юрий Коринец выпустил новую книгу стихов — уже по-настоящему детскую, большого формата, с яркой обложкой, с заманчивым названием: «Триста тридцать три жылбы». В этой книге уже новые стихи, и содержание их и форма таковы, что можно уже с совершенной уверенностью сказать: в детской литературе появился новый талант!

Стихотворение, давшее название книге, написано с такой изобретательностью, наполнено таким современным содержанием и в то же время так просто по форме, так легко запоминается, что несомненно станет надолго одним из любимых стихов нашей детворы.

Оно полно доброго юмора и бесконечной любви к старому дому и его жильцам.

Но это лишь зачин книги, лишь одна сторона многообразного дарования поэта — легкая, полная неожиданности юмор и прекрасной «детскости», идущей от счастливой, от детских игр, от детского фольклора.

А вслед за ними следуют еще и еще стихи, в которых поэт так добр, то грустен, то ироничен, то весел, то серьезен. И в каждом стихотворении — особый мир, глубокая, интересная мысль.

В стихах «Где лучше?» сталкиваются философия сидя, лежачи и философия поэта и труженика. Стихи «Тришша» напоены таинственностью ночных шорохов, загадочностью мира, светом радостных звуков. В «Лесном состязании» — четкий ритм считалки, налейдской сцене, суматоха движений, звериный крик и шум. А стихотворение «Талант» — полузагадка, написанная с той безыскусностью, которой владеет только мастер.

В поэме-сказке «Колесо» (удостоенной юности, премии на всесоюзном конкурсе) Ю. Коринец разворачивает перед юным читателем глубоко поэтическую картину рождения и раз-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ПИСЬМО О РЕДАКЦИЮ

Дорогая редакция! Пишет вам рядовой электросварщик. Работая на строительстве Куйбышевской ГЭС, я пришел к выводу, что сварку стержней арматуры на железобетонных работах можно значительно упростить и уделить, заменив ручную электросварку электросваркой. На Куйбышевском, где я работал с 1953 по 1955 год, предложивший, новый способ оценили по достоинству. Сотни тонн арматурной стали мне удалось там сварить по этому способу.

По указанию министра строительства электростанций СССР, меня в 1955 году командировали на строительство Сталинградского ГЭС для передачи опыта и дальнейшей доработки нового метода. Не знаю, чем я не понравился руководителям арматурно-сварочного управления Сталинградградостроения, но с момента моего появления на заводе и по сей день он относится ко мне, как злая машина и гонимый: всячески препятствует внедрению электросварки в производство, да и в работе я обращаюсь в местные общественные организации, но сталкиваюсь с удивительным равнодушием. Председатель объединенного построкома Сталинградградостроения Ф. Вощенко встретил меня в штыки:

— Начальство знает, что делает. Если бракует твоё предложение, значит, так и надо, а ко мне не ходи: это бесполезно...

Почему мне мешают применить метод, который принесет большую пользу государству?

Я. НЕЩАДИМ, сварщик

В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

Я прочитал «Письмо другу»...

ЧУДЕСНЫ! Современный вечер. Тебя голубые, переливающиеся. Какое наслаждение — видеть эту красоту! Чувствуешь себя умным, духовно обогащенным, с радостными «погоубегами» мыслями.

И расставляю этюдник. Если бы передать все это на холсте! Но вот подошла группа восьмиклассников и начала обсуждать — похоже или непохоже.

— А почему, дяденька, у вас снег голубой?

— А какой же он, по-вашему?

— Белый!

— В тени или на солнце?

— Везде белый. Только в тени темнее. Сероватый.

— Неужели вы не видите, что в тени он голубой, а на солнце розовый, золотой?

— Нет. Это снег. Все белое, что он белый, и вы, дядя, выдумываете.

Мне стало обидно за этих детей. Обидно, что никто не открыл им еще этот огромный мир радости, мир наслаждения красками жизни. И потому снег для них всегда белый — и только. Трава всегда зеленая. Асфальт серый. Крышки черные.

Что же можно сделать для них? Как разделить с этими ребятами счастье изобретателя, радости и богатства красок, радости с ними быть рядом, многоглазкой покаяния в искусстве — и гением и рядовым его тружеником? Ведь это и есть долг художника!

Я с горечью вспоминаю мастеров своего дела, шрифтеры, типографы, которые умели работать с цветом, с краской, с цветом и цветом. И потому снег для них всегда белый — и только. Трава всегда зеленая. Асфальт серый. Крышки черные.

Парень обиделся, зачем вышло. Почему же случается так, что человек с большим талантом оказывается в стороне от искусства, от искусства, от искусства? Почему же случается так, что человек с большим талантом оказывается в стороне от искусства, от искусства, от искусства?

Я все не думаю, что этот молодой человек вообще изобретатель. И если бы изобретатель в семье или в школе, разве ему полагалось научить прекрасное, «Сладкая Венета» Джорджия, вызывая бы у него не только мысли, а священней восторг перед красотой женщины, красотой человека.

Рембрандт и Леонардо да Винчи, Рубенс и Гойя, Вермеер и Врубель, Левитан и Коровин,

ПИСЬМО О РЕДАКЦИЮ

Дорогая редакция! Пишет вам рядовой электросварщик. Работая на строительстве Куйбышевской ГЭС, я пришел к выводу, что сварку стержней арматуры на железобетонных работах можно значительно упростить и уделить, заменив ручную электросварку электросваркой. На Куйбышевском, где я работал с 1953 по 1955 год, предложивший, новый способ оценили по достоинству. Сотни тонн арматурной стали мне удалось там сварить по этому способу.

По указанию министра строительства электростанций СССР, меня в 1955 году командировали на строительство Сталинградского ГЭС для передачи опыта и дальнейшей доработки нового метода. Не знаю, чем я не понравился руководителям арматурно-сварочного управления Сталинградградостроения, но с момента моего появления на заводе и по сей день он относится ко мне, как злая машина и гонимый: всячески препятствует внедрению электросварки в производство, да и в работе я обращаюсь в местные общественные организации, но сталкиваюсь с удивительным равнодушием. Председатель объединенного построкома Сталинградградостроения Ф. Вощенко встретил меня в штыки:

— Начальство знает, что делает. Если бракует твоё предложение, значит, так и надо, а ко мне не ходи: это бесполезно...

Почему мне мешают применить метод, который принесет большую пользу государству?

Я. НЕЩАДИМ, сварщик

Я прочитал «Письмо другу»...

ЧУДЕСНЫ! Современный вечер. Тебя голубые, переливающиеся. Какое наслаждение — видеть эту красоту! Чувствуешь себя умным, духовно обогащенным, с радостными «погоубегами» мыслями.

И расставляю этюдник. Если бы передать все это на холсте! Но вот подошла группа восьмиклассников и начала обсуждать — похоже или непохоже.

— А почему, дяденька, у вас снег голубой?

— А какой же он, по-вашему?

— Белый!

— В тени или на солнце?

— Везде белый. Только в тени темнее. Сероватый.

— Неужели вы не видите, что в тени он голубой, а на солнце розовый, золотой?

— Нет. Это снег. Все белое, что он белый, и вы, дядя, выдумываете.

Мне стало обидно за этих детей. Обидно, что никто не открыл им еще этот огромный мир радости, мир наслаждения красками жизни. И потому снег для них всегда белый — и только. Трава всегда зеленая. Асфальт серый. Крышки черные.

Что же можно сделать для них? Как разделить с этими ребятами счастье изобретателя, радости и богатства красок, радости с ними быть рядом, многоглазкой покаяния в искусстве — и гением и рядовым его тружеником? Ведь это и есть долг художника!

Я с горечью вспоминаю мастеров своего дела, шрифтеры, типографы, которые умели работать с цветом, с краской, с цветом и цветом. И потому снег для них всегда белый — и только. Трава всегда зеленая. Асфальт серый. Крышки черные.

Парень обиделся, зачем вышло. Почему же случается так, что человек с большим талантом оказывается в стороне от искусства, от искусства, от искусства? Почему же случается так, что человек с большим талантом оказывается в стороне от искусства, от искусства, от искусства?

Я все не думаю, что этот молодой человек вообще изобретатель. И если бы изобретатель в семье или в школе, разве ему полагалось научить прекрасное, «Сладкая Венета» Джорджия, вызывая бы у него не только мысли, а священней восторг перед красотой женщины, красотой человека.

Рембрандт и Леонардо да Винчи, Рубенс и Гойя, Вермеер и Врубель, Левитан и Коровин,

НОВЫЕ СТИХИ

Вадим СИКОРСКИЙ

Тем не завидую, чья имена с афиш кричат мне о талантах. В самом деле — меня уже ничем не удивить — наш мир могуче гения воспеет. Но я хочу застыть секунду ту, когда беззвучно, вняв перу поэта, под всем, что было, поддал черту, вновь возвестит о сотворенных света.

ЮЖНАЯ ЗИМА

Как будто север, выюгой бредя, играя ль, добу ль затая, вдруг лапой белого медведя паранул крымские края. И вмиг, боясь тепла до смерти, отдернул лапу и пропал, оставив след, как клоака шерсти, на смуглом камне острых скал.

Сосновый лес, как полк наш на заре, Стволы — хоть тихо все вокруг и мирно — все в наглухо застегнутой коре стоголосно стоят на стойке: «Смирно». Срубить их можно. Но оставь мечту поставь на колени их. Без стопа деревья умирают на посту, прижав к груди зеленые знамена.

СТРЕЛА

И я мальчишкой делал лук, мечтал — летя, моя стрела, спаси красавицу от мухи и коршуну прозвон крыла! Летя, стрела, для правой мести, храни добро и чистоту! Когда, в каком недобром месте я потерял свою мечту? Но вновь я вспомнил, важный, сытый, — в час испытанья, в грозной мгле — о детской миссии забойной, о светлом долге на земле... Вдруг осинка в самом деле инак все свои дела. Ты все-таки достигла цели, моя мальчишеская стрела!

Я встретил беженку. В чем тлея сила не зря: голодная, глаза больны... Она семь дней ребенка уносила от дыма наступающей войны. Когда б не он — не сделать шагу даже. Но материнство влило жизнь в нее. И кто его спасал — сам бог не скажет: оно младенца или он ее.

Москвич, я с Волгой связан кровно. Я вновь по берегу брожу, где я таскал когда-то бремена с телег на плоскую барку. Тогда я чувствовал вполноту, плечами — тяжесть бытия. Тогда лешку армянскую выслушивал, как орден, я. Когда за день по шатким сваям вкляп я семьдесят комлей, я награжден был караваном ценою в целых шесть рублей. Теперь я см харчи погуще, живу в Москве — здесь живши цвет... Во мне погиб великий грузин. Не зная, родился ли поэт.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПОЧЕМУ ЭТО НЕ СДЕЛАНО?»

Под таким заголовком в «Литературной газете» 10 октября 1959 г. была опубликована корреспонденция писателя В. Некрасова о необходимости соорудить в Киеве памятник жертвам голода от руки фашистских оккупантов. Заместитель председателя исполкома Киевского городского Совета депутатов трудящихся Г. Смирна пишет нам: «Исполком Киевского городского Совета депутатов трудящихся сообщает, что до сих пор в Бабаьем Яру не сооружен памятник в связи с неблагоприятностью этого района».

В этом году начнутся работы по озеленению склонов Бабаьего Яра, в ближайшие время там будет разбит парк, в центре которого по решению правительства Украинской ССР, принятому в декабре 1959 года, будет в будущем установлен постамент-obelisk с мемориальной доской памяти советских граждан, замученных гитлеровцами в 1941 г.

В ближайшие годы район будет полностью благоустроен».

Я прочитал «Письмо другу»...

ЧУДЕСНЫ! Современный вечер. Тебя голубые, переливающиеся. Какое наслаждение — видеть эту красоту! Чувствуешь себя умным, духовно обогащенным, с радостными «погоубегами» мыслями.

И расставляю этюдник. Если бы передать все это на холсте! Но вот подошла группа восьмиклассников и начала обсуждать — похоже или непохоже.

— А почему, дяденька, у вас снег голубой?

— А какой же он, по-вашему?

— Белый!

— В тени или на солнце?

— Везде белый. Только в тени темнее. Сероватый.

— Неужели вы не видите, что в тени он голубой, а на солнце розовый, золотой?

— Нет. Это снег. Все белое, что он белый, и вы, дядя, выдумываете.

Мне стало обидно за этих детей. Обидно, что никто не открыл им еще этот огромный мир радости, мир наслаждения красками жизни. И потому снег для них всегда белый — и только. Трава всегда зеленая. Асфальт серый. Крышки черные.

Что же можно сделать для них? Как разделить с этими ребятами счастье изобретателя, радости и богатства красок, радости с ними быть рядом, многоглазкой покаяния в искусстве — и гением и рядовым его тружеником? Ведь это и есть долг художника!

Я с горечью вспоминаю мастеров своего дела, шрифтеры, типографы, которые умели работать с цветом, с краской, с цветом и цветом. И потому снег для них всегда белый — и только. Трава всегда зеленая. Асфальт серый. Крышки черные.

Парень обиделся, зачем вышло. Почему же случается так, что человек с большим талантом оказывается в стороне от искусства, от искусства, от искусства? Почему же случается так, что человек с большим талантом оказывается в стороне от искусства, от искусства, от искусства?

Я все не думаю, что этот молодой человек вообще изобретатель. И если бы изобретатель в семье или в школе, разве ему полагалось научить прекрасное, «Сладкая Венета» Джорджия, вызывая бы у него не только мысли, а священней восторг перед красотой женщины, красотой человека.

Рембрандт и Леонардо да Винчи, Рубенс и Гойя, Вермеер и Врубель, Левитан и Коровин,

ВСПОМИНАЯ СМЕШНОЕ...

Старые газетчики любят вспоминать... Поздно вечером, а то и ночью, когда затравленный номер газеты почти сделан, не дернута его накая-то ощеренная мелочь, в одной из редакционных коммюнике собираются сидеть и ждать. Как-то само собой завязывается разговор, и ведется он неторопливо, пока кто-то, «видящий виды», не скажет: «А вот, пожалуйста...» И тогда все обращается в слух. Сколько интересных, поучительных историй, трогательных и забавных случаев, смешных недоразумений и эпизодов можно узнать на подобных «посиделках».

И вот оказывается, что такой же интересный вечер можно провести не в редакции газеты, а дома, листая странички книги.

Книга эта необычная, необычная прежде всего жанру. Сам автор предлагает предупредить об этом читателя: «Это не автобиография и не мемуары. Я за свою жизнь заполнил так много анкет и написал такое количество автобиографий (их, конечно, никто не читал), что этот жанр художественной литературы мне крайне надоел».

Что же касается книги, которую я сейчас предлагаю вашему вниманию, товарищ читатель, то она составлена из небольших листочков воспоминаний, из документов своего личного архива, из открыток, часто не связанных друг с другом, из коротких записей, из лаконичных эпизодов, разбросанных по книге порою не в хронологическом порядке».

Книга Г. Рыклина вобрала в себя вполне законченные, хотя и очень короткие рассказы о любительных, смешных случаях из практики работы газетчика-фельетониста.

Г. Рыклин вспоминает, например, о

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВСЕ ЭТО БЫЛО

КОГДА в 1988 году начал печататься новый роман Бориса Полевого «Глубокий тыл», мы все в его героях с радостью узнали наших казненных текстильщиков, восстанавливающих свою «Пролетарку».

Многие из нас, кто был свидетелем и участником этих событий, хорошо помнят то трудное время. И надо сказать, что Борис Полевой очень точно, очень правдиво, без прикрас о нем рассказывал.

Особенно хорошо описан первый период восстановления. Люди вернулись после освобождения города на руины. Прядильная фабрика стояла, как снег. Голыми руками выжили из-под снега машины и перенесли их в корпус. А корпус стоял без стекол, приходилось загорать от ветра и мороза горелым железом, фанерой. Работали в телогрейках. Своим теплом, своим дыханием отогревали машины. И вдруг из этих разбитых корпусов пошла ткань. Сколько радости было, когда пустили первые несколько веретен!

А после работы работницы комбината шли в госпиталь, к бойцам, кровь отдавали раненым.

Борис Полевой хорошо понял настроение рабочих в то время; и тех, кто вернулся из эвакуации, и тех, кто пережил оккупацию, когда после освобождения от фашистов люди снова почувствовали себя людьми.

О рабочем классе в нашей литературе — прямо мало сказать пишут мало. И вот появляется такая правдивая книга, как «Глубокий тыл». Это отрадно и важно.

Борис Полевой ярко рассказал о единстве рабочих, о рабочей спайке, когда разруха, в каждой семье горе, а люди помогают друг другу, делаясь последним. У всех одна мысль — победить.

В романе Полевого чувствуется знание не только производства и быта текстильщиков, но и понимание их взаимоотношений друг с другом, их характеров. Профессия, производство откладывают свой отпечаток на человека. В героях романа, в их характерах хорошо угадываются именно текстильщики.

И важно, на наш взгляд, то, что Полевой — тоже один из немногих — с большим уважением и проницательностью пишет о женщинах-работницах. Ведь в то время мужчин на производстве, особенно на нашем, было мало. И женщинам пришлось все делать своими руками.

В образе главной героини романа Анны Калининны запечатлена настоящая женщина-работница, с ее гордостью, с ее сочувствием к любому человеческому горю, отзывчивостью. Не по схеме, а очень убедительно, изнутри, соединено в ней личное и общественное. Анна — человек очень простой, который не боится тяжелой работы. Она всегда с людьми, и организовать их она умеет, потому что любит их. Хочется воспитать в себе такую же самостоятельность, такое же умение найти ключ к сердцу каждого, какие есть у Анны. У нее можно многому научиться. Хорош и образ Варвары Алексеев-

ны, матери Анны, и образ ее отца Степана Михайловича Калининца, человека с настоящей рабочей закалкой. Живен образ Ксении Шаповаловой, которая среди своих больших общественных дел не утратила за собственной долей, не заметила, как та выросла эгоистичной и карьеристкой. Так в жизни часто бывает — все чужие нужды, а свои забывает.

Таких удачных образов в романе много.

Особо хочется сказать о теме интернационального братства людей. Очень своевременно говорит Полевой о том, что и в немецкой армии были разные люди, что рабочий человек всегда найдет общий язык с рабочим человеком, какой бы национальности тот ни был.

Есть в романе и свои недостатки. Хотелось бы, чтоб более ясно был обрисован Курт Рупперт, немец-антифашист, перешедший на советскую сторону; чтоб не так тегло и сухо рассказано было об Узорове, муже Анны. Есть по-

«Зачем мы на свете живем...»

МЕНЯ ОЧЕНЬ радует, что в ряду лучших произведений выдвинутых на соискание Ленинских премий, есть одна из захватывающих меня книг — трилогия Якуба Коласа «На росстанях». Все рассказанное в ней очень далеко от нашей жизни, но чем дальше читаешь ее, тем яснее видишь, что это книга для нас. Время и события, бывшие полвека назад, как бы привинулись к нам и зазвучали молодыми, страстными голосами людей, ищущих, ошибающихся и побеждающих.

Да, наша жизнь ничуть не походит на жизнь героев трилогии Коласа. А тем не менее хочется выписывать из книги целые страницы, которые помогают понять, оформить для себя какие-то очень важные мысли.

«...Пусть мы деревья в поле, стоящие на ветру, пусть клонятся ветви в ту сторону, куда дует ветер, но ветвь ветвь веет с разных сторон, и ветви клонятся и туда и сюда. Однако здоровое, крепкое дерево будет стоять ровно, а ветви его больше наклонятся в ту сторону, откуда светит солнце. Все дело в том, как нащупать ветвями это солнце».

Эти и многие другие, очень точные и певучие строки толкают на большие раздумья, они помогают найти ответ на вопрос, который долго мучает и Андрея Лобановича, молодого учителя, вчерашнего семинариста: «Зачем мы на свете живем?» И когда напряженно следя за перипетиями судьбы Андрея, когда вдыхаешь в смысл событий, разрывающихся в трилогии, то ответ на этот вопрос становится все более ясным.

Полный юношеских мечтаний, прекрасных и туманных идеалов о разумной жизни, приезжает Андрей Лобанович в глухую деревню Полясье. Он будет учить этих грязных, робких, испуганно глядящих на него ребятников не только грамоте, но уметь понимать виденное, мыслить: ведь «если у человека открыты глаза, он сам себе будет держать ответ». Многие волнуют и заставляют страдать молодого учителя — неискренность и покорность крестьян судьбе, и то, что родители не пускают девочек в школу, и сомнения, способен ли он что-либо изменить в этом краю.

Разные люди, с разными и в то же время в чем-то схожими судьбами окружают учителя. Крестьяне у Коласа — и забитые, покорные судьбе, и неискренние до дикости, но и поэтичные, сильные своей близостью природе, бесхитростно насмешливые.

Начавший с абстрактной вены в народ, делая, что просят его, можно улучшить жизнь, с отвращением здорового, чистого душой человека к под-

«Зачем мы на свете живем...»

лости и сытой тупости. Андрей Лобанович постепенно понимает, что тот, кто «совершенно ничего не понимает, но знает, казенной тухлой, тот мерзавец, либо несчастный, безвольный человек, либо просто ремесленник, готовый за деньги делать все что хочешь».

Сельский учитель приходит постепенно к пониманию своих задач как революционера. Но не просто и не легко далось ему это понимание. Он делает ошибку, дает в какой-то момент увлечь себя на неверную дорогу. Андрей Лобанович — не выдуманный, «хрестоматийный» герой, все знающий и сразу же все понимающий, а человек, близкий и понятный нам именно в силу своей человечности.

Удивительно тонко переплетаются в книге героика и будничность, патетика и юмор. Прекрасны магистраль красок и какой-то грустной задумчивостью

ПОДЗАГОЛОВ О К

гласит: «По-весть о честном бин. С прологом и эпилогом». Место действия — Москва. Время действия — наши дни. Герои повести к началу войны сравнялось года четыре, значит, сейчас ему — двадцать два. Он молодой, пригожий, неглуп и обуреваемый жаждой славы. В простом и так сказать, «элементарном» смысле: «деньги, почет». Впрочем, истинный его честолюбие не имеет социальной подкладки (да и откуда она!) — он хочет ходить по улице Горького, лова восхищенные взгляды мальчишек и девочек («Вот Серов, очень молодой, очень красивый, очень знаменитый!»); хочет, чтоб его любили «самые красивые девушки»; или более конкретно: «войти в ресторан с Николь Курсель и небрежно кинуть склонившемуся официанту: «Один коньяк!». Мечтает он как-то весьма абстрактно и о министерском (почему именно министерском?) кресле. Но главный предмет его честолюбивых желаний — Лена Соколова.

Все это и составляет стержень и существо характера героя новой повести Гладиллина: более того, этим исчерпывается его содержание. И конечно же, образ этот не «сочинен» автором, и многие из нас могли бы назвать даже адреса молодых людей, похожих на Игоря Серова. Причем иной раз адрес не будет номером дома и квартирой, а всего лишь названием фильма — о легкомысленном новаторе или о знаменитом футболисте. Кстати, сходство это не только в облике героя — весь сюжет повести неуловимо напоминает отстоявшуюся схему: с одной стороны — «астролог» Серов, с другой — трудолюбивый Маркелов. Первый фанфарон и занаята, второй — скромный и упорный. Блистательная карьера Серова кончается плачевно: она и не могла кончиться иначе — в спорте, как и в любом другом деле, глупая удача не может заменить каждодневной работы. Отсюда мораль: без труда не вытащишь и рыбку из пруда...

ДЫМ В ГЛАЗА

Характер создан, пристрастие читателя ко всякому modern'у удовлетворено, повесть, очевидно, уже «отвечает» чьим-то представлениям о «современности прозы». Но сказать в искусстве новое слово — значит прежде всего увидеть л'ю-своему миру. Не наплевая на себя (во что бы то ни стало) «модное» платье, но открыть (непренебрежительно) характер, а через него увидеть и жизнь...

Тема честолюбия — серьезная и неуверенная тема. Она находит свое место и на страницах нашей современной прозы. Ведь и Мансуров (герой В. Тендрякова), и Чекунов (герой В. Некрасова) — честолюбцы по преимуществу. Но В. Тендряков и В. Некрасов сумели увидеть в своих «честолюбцах» социальные характеры; рассказывая о них, они сказали о времени, о жизни, о судьбе поколения. Сказали обо всем этом прежде всего современно, создали прежде всего современные человеческие характеры...

Гладиллин строит повесть полемически с первой же страницей. Полемичная форма, полемичны образы героев. Казалось бы, главный объект его полемичности — вселенский схематизм. Никакой схемы в построении литературного произведения, в отношении к людям и т. п. — Долой традиционность! Новый современный ритм жизни требует нового современного изображения... Но ведь повесть Гладиллина не только (а вернее не столько!) полемична от первой строки до последней, — она прежде всего схематична! Писатель идет в поход против схематизма и берет с собой «говорильные» схемы. Сюжет повести представляет собой схему, автор схематически «раскрывает» характеры — и называет все это современной формой! «...он узнал, что Максимова отлично знает два языка — шведский и английский, что она получала деньги за переводы уже в десятом классе, что она первокурсница по плаванию, член факультетского бюро комсомола». Ну, а читатель узнал, что-нибудь по Веру Максимова, кроме того, что она «первокурсница» и «член бюро»? Что-нибудь такое, что помогло бы ему понять, что она за человек?

Положение, которому сейчас двадцать два, не имеет ничего общего с героями повести «Дым в глаза». Ничего, кроме порою «внешней» похожести. И конечно же, это поколение ждет современной повести о своей судьбе... Быть может, много читателя «Дым в глаза» привлечет «поисками форм». — Что ж, — скажет такой читатель, — конечно, не первый класс, не большая литература, а все-таки...

Но литература не бывает большой, средней или маленькой. Литература бывает только художественной.

Михаил Шолохов в Дании

Вечером 1 марта в Копенгаген прибыл Михаил Александрович Шолохов с семьей. В аэропорту Каструм М. А. Шолохов встречали датские писатели во главе с председателем Союза датских писателей Х. Люнгбю-Энсен, представители СССР-датского сотрудничества между Данией и СССР.

НАШ «ВТОРНИК»

На очередном «вторнике» выступили молодые поэты Юрий Левитский и Евгений Булат Окуджава. Они прочитали свои стихи, в затаем Окуджава исполнил несколько своих песен, которые были тепло приняты слушателями.

На вечер были показаны кинофильмы «Враги», «Произведение искусства», «Метель», созданные по рассказам А. П. Чехова.

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

Страницы повести о гражданской войне. 1920 год. Три роты батальона наступают в дальневосточной тайге. «Первая — матросы с тихоокеанских кораблей, вторая — маляйцы, китайцы, пехота и полубога сербов, а третья рота — бывший партизанский отряд имени Мексиканской компании — «Смерть имперскому империализму!».

А еще — рассказы о дальневосточниках, о свержении эмира бухарского, о борьбе с басмачеством в Средней Азии. В рассказах этих, исторически точных, есть и грусть, и веселый юмор. Меж неведомых, но близких нам, обрванных лабиринтов и живо героев книги действуют Влохер, Лазо, Постышев, «Матвей» Залка, Фрунзе... А происходящий через повесть и рассказы центральный герой книги — умный, суровый, добрый и прямой компаньон Якутин, человек завидной судьбы, виден нам во всех проявлениях своей славной личности. Душа, не ошибаясь, полагаю, что в создании образа Якутина автору щедро помогла его биография, и поэтому этот образ богат все.

Много книг мы читали о гражданской войне. Хороших и разных. Но таким свежим и вольным дыханием веет со страниц книги Г. Шелеста, написанной будто и очень скуными словами, а языком отличным, простым и точным, с таким накалом революционного чувства, с такой художественной правдивостью, — что нужна и эта сжатая, как пружина, книга. Хорошая радость читателя растет от страниц и страниц, по мере чтения маленьких по объему, но весьма содержательных повестей и рассказов. Прошедшие десятилетия не оторвут от нас подвиги коммунистов, которые живыми встают рядом с нами, когда мы читаем эту книгу.

В книге Шелеста почти нет стилистических «отрехов». И да позволено мне будет не говорить здесь о мелких недостатках, — они, конечно, есть, как есть они в любой книге. Но радуясь произведению хорошему, талантливому, я не хочу искать неприменных для присяжных критиков «противовесов».

СЕМЬ ДНЕЙ И ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ

В книге Леонида Вольнского «Семь дней» рассказывается о той неделе, когда волею валою судьбы картин знаменитой Дрезденской галереи, Соляной галереи были обнаружены в варшавской Шедере Рафаэля, Тициана, Рембрандта и сотни других исчезли — их тщательно упаковали в шапки тринтротолуола, присоединили к ним бифордовы шнур и запратали в каменные тайники.

Повесть движется двумя параллельными линиями. Одна из них вводит нас в глубь веков, на пять столетий назад. Вторая — это те семь дней, когда ренессанс судьба произведений, составляющих гордость и радость человечества, щих гордость и радость человечества, наши боины, отключившие галерею, делают свое дело просто, без демонстративного ощущения «величия минуты». Но по их напряжению мы чувствуем, что они все понимают. И вот... «Возбужденно колотится сердце. Подношу поближе фонарь. Ничего не видно: на холсте лежит непроницаемо толстый слой серой пыли. Присев на корточки, наугад — в первом попавшемся месте — протираю поверхность холста рукавом гимнастической. И тут, будто в медленном оттаивающем окошке, появляется лицо...»

Рембрандт! — ирчу я что есть силы и, сорвав с головы пилотку, протираю весь холст.

Это нельзя читать, не волнуясь. А вот появление воликой Мадонны. «Я вот погрешил бы против правды, если б сказал, что в эту торжественную минуту тишина сменилась взрывом восторга. Все стояли по-прежнему молча, сосредоточенно глядя на босяную женщину, легко идущую по клубящимся облакам».

Так рассказ о спасении галереи переходит в рассказ о картинах и их творцах. И здесь — надо сказать откровенно — автор порой не выходит за рамки добротных литературных реминисценций, употребляя для «оживления»

ПОДЛИННЫЙ ОПТИМИЗМ

Однако Бондарчук не только умеет с помощью нескольких выразительных штрихов нарисовать живой человеческий характер. «Судьба человека» знакомит нас с Бондарчуком-режиссером. И эта первая режиссерская работа восхищает той же простотой, емкостью, богатством мыслей и чувств.

В эпизоде проводов на фронт создана правдивая и потрясающая по силе воображения картина налетевшего на людей черного урагана войны.

Безудный оптимизм в таких сценах бывает фальшивым и наиграным, вызывает удивление и раздражение. Настоящий оптимизм приходит в результате больших сомнений, сопоставлений, отрицаний, раздумья и аналитической работы мысли. Об этом вспоминаешь, когда смотришь сцену гибели военврача. Вся она, почти лишняя слова, короткая и стремительная, как последние минуты жизни, но это целая поэма о духовной красоте человека, о бессмертии его дела.

А финал фильма, когда рядом с Соколовым шагает его приемный сын Ванюшка... Тяжела весенняя дорога в раннюю пору распутицы, труден и их жизненный путь. Но мы верим, что эти двое дойдут до намеченной цели, непременно дойдут!

Постановку Бондарчука отличает поэтичность Шолоховского умения передать бесполое бытие поэзия современности.

Если сердце и ум порою могут допустить ошибку, оценивая произведение искусства, то соединенные воедино, они не могут дать неверного ответа.

Такое непосредственное воздействие фильма одновременно на чувство и разум зрителя дает мне право сказать, что «Судьба человека» Шолохова — Бондарчука — это влюбленный гимн красоте и величию человека и страстный протест против разрушительной силы войны. В этом и заключается изумительной свежести и современности звучания фильма.

ПОДЛИННЫЙ ОПТИМИЗМ

Постановку Бондарчука отличает поэтичность Шолоховского умения передать бесполое бытие поэзия современности.

Если сердце и ум порою могут допустить ошибку, оценивая произведение искусства, то соединенные воедино, они не могут дать неверного ответа.

Такое непосредственное воздействие фильма одновременно на чувство и разум зрителя дает мне право сказать, что «Судьба человека» Шолохова — Бондарчука — это влюбленный гимн красоте и величию человека и страстный протест против разрушительной силы войны. В этом и заключается изумительной свежести и современности звучания фильма.

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

КНИГА БУДЕТ ЖИТЬ

Передо мной — большая книга пока еще неведомого мне автора. Радость она принесет мне или разочарование? Пожалуй ли я, что она — вот уже прочитанная — окончилась, или с натугой, лишь по обязанности рецензента, дочитаю ее до конца?

